

УДК 81`276.11:791

ББК 81.2Рус-2

Е.А. Болотова**НЕГАТИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
В ТЕКСТАХ МЕМУАРОВ
А. КОНЧАЛОВСКОГО
КАК ПОКАЗАТЕЛИ
РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИЧНОСТИ АВТОРА**

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы отрицания в лингвистике, а также описанию возможных способов функционального использования автором мемуарных текстов А. Кончаловским («Низкие истины» и «Возвышающий обман») негативных конструкций, их прагматической направленности. В статье выясняется, как и какими определёнными художественно-изобразительными и выразительными средствами на основе использования языковых средств разных уровней можно дать характеристику личности мемуариста при помощи предложений отрицательной семантики. Рассматривается специфика употребления различных способов воздействия автором мемуаров на читателя при помощи негопозитивности.

Ключевые слова: автор мемуаров, мемуарный текст, языковые грамматические средства, категория отрицания, негативные конструкции.
DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-69-78

Болотова Елена Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; преподаватель кафедры Документоведение и языковая коммуникация Донского государственного технического университета
Тел.: 8-906-428-00-85
E-mail: bolotovaelena2008@rambler.ru

© Болотова Е.А., 2016.

В настоящее время у носителей русского языка повысился интерес к историческому прошлому. Человек хочет узнать о корнях и традициях своего народа, о прошлом страны и её выдающихся представителях. Об этом как раз обычно и повествуют произведения авторов-мемуаристов.

Общепринято считать, и это следует отметить, что любая информация, которая сообщается автором в мемуарном тексте, связана с личностью самого автора-мемуариста. Вступая в диалог со своими читателями, автор устанавливает контакты с ними. В процессе этого им сообщается информация о людях, о себе, о событиях и различных фактах, происходивших в разные периоды жизни мемуариста и страны.

Художественное значение мемуарного текста заключается в способе передачи информации средствами различных уровней (лексического, фонетического, сюжетного, тематического и др.) с использованием повторяемости, являющейся одним из необходимых условий существования связного текста. Диалогическое общение «писатель–читатель» осуществляется по мемуарному типу, на основе временной фиксации описываемых воспоминаний (прошлое, настоящее и т. п.).

В мемуарах А. Кончаловского представлена и раскрывается волнующая всех проблема человеческой судьбы и предназначения людей в мире. При ознакомлении с текстами его мемуаров мы встречаем большое количество отрицательных высказываний, активное использование которых автором

обуславливается диалектикой постоянно развивающихся человеческих познаний.

А. Кончаловский, не являясь профессиональным писателем, обладает уникальными способностями автора-рассказчика. Тексты его мемуаров «Низкие истины» и «Возвышающий обман» доказывают то, что ему удалось написать очень интересный, человечески понятный рассказ о своей незаурядной жизни. В мемуарах автор представил свою жизнь честно и открыто, обнажил свою душу, показал то, что другие известные, как и он, люди не смогли или не захотели. Мы увидели его эмоциональным и спокойным, равнодушным и эгоцентричным, реалистом и фантазером, любовником и любимым, родственником и другом.

Языковой материал, который мы исследуем в его мемуарах, очень разнообразен. При написании текстов широко используются предложения с отрицанием, выраженным различными языковыми (морфологическими, синтаксическими) грамматическими средствами и лексикализованными сочетаниями или фразеологизмами.

Несомненно, что субъективность и открытая позиция автора дают возможность заметить в анализируемых мемуарных текстах наличие эмоциональной и оценочной лексики и её перлокутивного эффекта прагматического характера. Подобные жанровые особенности мемуарной литературы оказывают на читателя определённое интеллектуальное и эмоциональное воздействие. Языковой материал исследуемых текстов позволяет заметить, что маркирование идиостилей авторов мемуаров, в частности А. Кончаловского, происходит при использовании разнообразных негативных конструкций [Гаврилова, с. 85]. Необходимо отметить, что подобные языковые единицы присущи всему жанру мемуаров, где выполняют прагматические функции воздействия на эмоции и интеллект читателя.

Любые грамматические конструкции, имеющие значение негации, обычно сориентированы на знания или убеждения говорящего о том, что существуют прямо противоположные утверждаемым собеседником факты: *Чужие сценарии меня почти никогда не удовлетворяли. Только раз в жизни читал сценарий, который хотел бы снимать, ни буквы в нем не переделывая. Ничего подобного (Б. Е. – «Выстрел в упор» Никоса Казана) с тех пор не встречалось. Ни в России, ни в Америке, ни во Франции найти соавтора, которому я мог бы дать идею и получить от него готовый результат, не получалось [Кончаловский, 1999, с. 57 – 58].*

В поведении эгоцентричного человека отсутствует осознанное сопереживание другим людям, стеснительность, нерешительность, боязливость, напряжённость при общении и способность видеть ситуацию в развитии: *И все равно где-то в глубине, внутри себя я чувствовал, что никогда такой творческой свободы, такой совершенной техники, какая есть у Ашкенази (Б. Е. – музыкант), мне не достичь [Кончаловский, 1998, с. 69].*

В содержании негативных конструкций отчётливо проявляются эгоцентрические качества мемуариста, то, как он оценивает, восприни-

мает или запоминает поступающую к нему или исходящую от него информацию.

Эгоцентризм у автора-рассказчика может быть явным или теневым, когда автор хочет больше рассказать о других людях, чем о себе: *Ни об одной из этих книг (Б. Е. – «Исповедь» Руссо, «Жизнеописание Бенвенуто Челлини», «Опасные связи» Шодерло де Лакло) я прежде не слышал* [Кончаловский, 1998, с. 78].

Эти книги А. Кончаловскому дал прочитать Семён Ляндрес (Б.Е. – секретарь Бухарина), отсидевший срок в сталинских лагерях: *Естественно, в тюрьме такой человек (Б. Е. – Семён Ляндрес) не мог не оказаться* [Кончаловский, 1998, с. 78]. В данном случае погашение отрицания отрицанием усиливает экспрессию текста.

При исследовании мемуарных текстов нами установлено, что чем интереснее автор рассказывает о поразивших его событиях, тем сильнее выражено его эгоцентрическое состояние. Его личность представляется ярче, привлекательнее и заинтересовывает читателей ещё больше: *До него (Б. Е. – Бюнюэль) я не представлял себе, что можно вот так, как липку, ободрать человеческий характер, заглянуть в то, что Достоевский называл «обнаженная бездна души»* [Кончаловский, 1998, с. 137].

Читателям интересны особые, личностные мемуары, такие, в которых присутствуют предложения с отрицанием, раскрывающие ментальность автора: *Я даже не до конца понял, что он (Б. Е. – Рихтер) имел в виду* [Там же, с. 63]. *Не знаю, почему я пришелся ему (Б. Е. – Тарковскому) по душе* [Там же, с. 108].

Тексты личностных мемуаров заставляют читателя расшифровывать мысли, выраженные в предложениях с отрицанием, чаще задавать себе вопрос о том, почему автор делает такие выводы или приводит такие высказывания: *Я говорю сейчас не о том, верить или не верить, ходить или не ходить в церковь, а о том, как поляризовалось сознание людей* [Там же, с. 343].

В следующих отрицательных предложениях текстов мемуаров можно заметить эмоциональность А. Кончаловского при воспоминаниях о матери: *Мамы со мной уже больше нет. Вернее, она со мной, но увидеть её я уже не могу* [Кончаловский, 1999, с. 325]. *Как жаль, что ни на одну из этих премьер (Б. Е. – «Евгений Онегин», «Пиковая дама») я не смог пригласить маму* [Там же, с. 259].

«Я» – это очень устойчивая концепция, и на ней человек строит свои отношения с другими и к себе самому. Необходимо отметить, что в мемуарах повествователь в своём лице как бы объединяет и автора, и героя, и рассказчика. Поэтому эгоцентрическая субъективность в высшей степени свойственна подобному мнемоническому повествованию, которое служит для того, чтобы облегчить читателю запоминание событий.

При создании мемуаров автор выбирает свою форму повествования, отношение к произошедшим событиям, определённый угол зрения и свой взгляд, свои оценки, которые пронизывают и скрепляют весь текст произведения. Значит, эгоцентризм автора становится главной

стратегией и смыслообразующей составляющей мемуарного повествования.

В своих мемуарах А. Кончаловский правдиво воспроизводит события минувших лет своей жизни. Читатель убеждается в честности автора и в том, что он обладает одним из важных требований нравственности. Это человеческое качество включает в себя искренность и правдивость, принципиальность и верность при исполнении взятых обязательств; субъективную чёткую убежденность в том, что проводимые действия правильны (морально и юридически); соблюдение и признание прав людей на законно принадлежащее им (материальное, духовное и др.) [Болотова, 2015, с. 5].

Автор отмечает, что честность помогает в отношениях между людьми избежать обмана, подчеркивает то, что при этом отсутствует корысть, дезинформация, введение в заблуждение: *Да, не всегда и не обо всем можно сказать правду, но всегда можно избежать лжи. Лжи в этой книге нет. Во всяком случае, я думаю, что её нет* [Кончаловский, 1998, с. 6].

Он говорит о том, что если он сам и сообщает другому человеку непредумышленную ложь, но при этом верит в неё, то всё равно он остается в этот момент честным человеком: *Итак, о чем я буду писать здесь? О себе. О людях, с которыми встречался. О фильмах, которые снимал. О поступках, которые совершал или не совершал* [Там же].

В своих воспоминаниях А. Кончаловский абсолютно не скрывает отрицательные стороны своей личной жизни и творчества. В своё время его мемуары наделали в звёздной среде много шума из-за их открытости, честности и правды об эпохе, в которой жил и живёт А. Кончаловский: *Что же такое – «низкие истины»? Они – то, что о себе знаешь, но что знать, а тем более от других слышать, неприятно. Замечательно иметь ясные идеалы и ценности! У меня их нет. Идеалы размыты* [Кончаловский, 1998, с. 6].

Автор честно признаётся, что о некоторых произошедших событиях он по своему опыту не знает и не является их непосредственным свидетелем, а знает о них только по рассказам родственников или просто знакомых. Поэтому в текстах его мемуаров встречаются выражения «*ходили слухи*», «*отец рассказывал мне*» и др.: *По дому (Б. Е. – по дому, где жили родители Кончаловского) ходили слухи, что, увидев себя в исполнении Геловани, Сталин сказал: «Не знал, что я такой красивый и такой глупый»* [Кончаловский, 1998, с. 13]. *Отец рассказывал мне, что в 50-60-е годы, по временам его приглашали в гости к «академику». «Академиком» на самом деле был высокий чин госбезопасности... Ничего особого от отца не требовалось. Надо было просто сидеть за столом, пить, есть, вести светские разговоры, в общем, «чувствовать себя непринужденно». Гостями в этом доме были известные артисты, крупные ученые, писатели. Никто не отказывался. Хотя, наверное, не всех и приглашали. У отца четко работала интуиция. Туда, куда лезть не просили, он не лез* [Там же, с. 16–17].

Предложения с негацией часто помогают автору в поисках достоверности содержания исторической и личной информации, добытой путём глубочайших раздумий. А. Кончаловский в своих мемуарах не описывает ужасных сцен войны, репрессий, но на уровне подсознания при упоминании автором об этих событиях чувствуется его боль, ненависть, обида тех людей, с которыми произошло подобное (аресты родственников и знакомых, изоляция и высылка из страны друзей и др.).

Для мемуаров А. Кончаловского характерны простота, человечность, назидательность, искренность, равнодушие, беспокойство о судьбе страны: *Да, Россия – страна замечательная, прекрасная, у нее великое будущее, до которого мы, к сожалению, не доживем. Не надо тянуть её в это будущее за волосы [Кончаловский, 1998, с. 352]. В России к закону всегда относились без уважения. Нельзя объяснять это отсутствием культуры: культура в России есть, глубокая, ей уже тысяча лет [Кончаловский, 1999, с. 319]. Церковь не признает сомнений в вере [Кончаловский, 1998, с. 155]. Но пути Господни неисповедимы [Там же, с. 6].*

Его поучительность (назидательность) заостряет внимание иногда на пустяках жизненных событий людей, занятых делами: *Не знал, что она (Б. Е. – Ванга) мне скажет, да и вообще неприятно знать свое будущее, даже если оно прекрасно [Кончаловский, 1999, с. 186].*

Иногда между назидательными и сентиментальными историческими текстами находятся философско-аналитические тексты мемуаров, в которых рассказчик стремится проанализировать суть и раскрыть смысл пройденного им жизненного пути. В назидание читателю автор пишет: *Жизни не хватит, чтобы дойти до дна [Кончаловский, 1999, с. 142]. Не в деньгах счастье, а в том, что они есть [Там же, с. 185].*

Одним из наивысших достоинств мемуарного произведения может являться не только яркость, внешняя и скрытая выразительность текстов, но и их эмоциональность и экспрессивность, которые автор доносит до читателей через свое эмоциональное, смысловое самоощущение, оценки и самовыражение своих желаний в негативных высказываниях. Эмоциональность может передаваться такими языковыми средствами, как: междометия; слова, называющие эмоции и ассоциации с ними; интонация; особые синтаксические структуры (повтор, эллипсис, антитеза и др.). Приведём, как пример, предложения с повторами отрицательных конструкций: *Не будет «мечты о розах в кабине “роллс-ройса”...» (Б. Е. – О. Мандельштам); не будет теплого ветра, врывающегося в машину, не будет аллеи, рябющей пятнами солнца... Не будет тех чувственных ощущений, которые доставляют такие мимолетные и такие неизбывные радости, такие моменты счастья! [Кончаловский, 1999, с. 10].*

В следующих предложениях приводится повтор в тексте и антитеза: *Я был сыном автора Государственного гимна, председателя Союза писателей, депутата Верховного Совета СССР и Российской Федерации, куда, ясно же, не выбирали, а назначали. Диссидентством я не отличался, Россию не ругал. Не ругаю её и теперь, когда всё разрешено. Не ругал её и в «Куручке Рябе» (Б. Е. – фильм Кончаловского),*

хотя кому-то очень хочется представить дело именно таким образом [Кончаловский, 1998, с. 9].

Часто эмоциональность текста передает индивидуальное ощущение, а также настроение носителей информации. Эмоционально окрашенные слова выражают отрицательные оценки ситуаций усилением негации посредством отрицательных местоимений или наречий, которые используются рассказчиком в текстах: *Ах, эта жадность к впечатлениям советского человека за рубежом! Страстное желание не пропустить ничего, посмотреть* [Кончаловский, 1999, с. 63]. *Никогда не мог понять, зачем Андрею (Б. Е. – Тарковскому) такая медлительность* [Там же, с. 88].

Эллипсис в текстах мемуаров используется А. Кончаловским в виде риторической фигуры разговорного стиля: *Не хотят – черт с ними (Б. Е. – назначить зав. сектором кино отдела культуры ЦК)* [Там же, с. 61]. *В военные (Б. Е. – годы репрессии) – всерьез не сажали, массовые посадки начались снова в 1947-м с началом кампании против космополитов* [Там же, с. 19].

С помощью эллипсиса происходит быстрая смена негативных событий и действий, ускоряется динамика изображаемых сцен при участии персонажа, вносятся определённые детали в их психологическую и языковую характеристику: *Когда шёл «Евгений Онегин», она (Б. Е. – мать Кончаловского) болела, когда «Пиковая дама», – её уже не было* [Кончаловский, 1999, с. 259].

Значение отрицательного предложения может заметно изменяться от местонахождения отрицания. Инверсия в текстах мемуаров А. Кончаловского не встречается и при анализе не выявлена.

А. Кончаловский эмоционально излагает в текстах мемуаров различные информирующие факты, воздействуя на эмоции и оценки читателя. Он применяет такие приёмы, как повтор или только отрицание «не» или вместе с глаголом-предикатом, к которому он относится. Также автор иногда использует отрицание отрицанием, где тоже повторяется «не». Отрицание усиливается местоимениями или местоимёнными наречиями в устойчивых оборотах с отрицанием («шёл не оглядываясь»): *В своем стремлении понять себя, ухватить синюю птицу сновидения, Андрей (Б. Е. – Тарковский) шёл не оглядываясь... Но мне в его последних картинах чего-то не хватает, может быть, чувственности, душевной сопричастности* [Кончаловский, 1999, с. 87].

Довольно часто А. Кончаловский находит такие приёмы и слова, которые эмоциональны и красочно выразительны. Вместе с повтором они делают содержание его текстов живым и интересным, легко читаемым и запоминаемым: *Только немногие не теряют вместе с редющими волосами ощущение своей исключительности, не приобретают вместе с сединами горький привкус тщетности своих попыток* [Кончаловский, 1998, с. 337].

А. Кончаловскому, как и любому автору мемуаров, при воспоминаниях свойственно находиться как бы в двух измерениях, и все процессы

воспоминаний связаны с проявлением эмоциональности и оценочности, причём иногда и негативной: *Не могу поверить, что это (Б. Е. – об отношении с Ниной Безфамильной) было* [Кончаловский, 1999, с. 93].

Е. М. Галкина-Федорук отмечает, что выражение эмоций в языке всегда экспрессивно [Галкина-Федорук, с. 117], а эмоциональное отношение мемуариста при повествовании может являться особенной формой, которая выражает отношение человека к тому миру, который его окружает. В том случае, когда автор мемуаров описывает важные для героя события или если персонаж ведёт свой рассказ эмоционально, при использовании отрицательных предложений может наблюдаться эмоциональная и экспрессивная парцелляция. При членении предложения смысл высказывания выражается не только в одной интонационно-смысловой речевой единице, а сразу в нескольких, которые могут следовать одна за другой, разделяясь паузами. Автор расчленяет высказывание таким образом, что выделяет его ещё больше паузой, усиливая отрицание. Паузы могут быть отмечены точками, запятыми, восклицательными или вопросительными знаками, повтором «не»: *Сирень, которую так любил Рахманинов, которой посвящал свои романы, которую увез с собой из России и пытался посадить и в Калифорнии, там не цвела. Не тот климат. И сам он на американской земле не мог писать музыку, стал исполнителем...* [Кончаловский, с. 213].

В данном случае парцелляция проявляется как синтаксический экспрессивный приём письменного языка мемуарного жанра.

Содержание мемуарных текстов А. Кончаловского, как человека и писателя, всегда отличается особым неравнодушным, пристальным, часто даже пристрастным взглядом на события (прошлые, настоящие) и на людей, которые участвовали или участвуют в этих событиях, что подчеркивается частноотрицательными конструкциями: *На протяжении многих месяцев работы над этими страницами я не раз приходил к выводу, что книга может вызвать у читателя тягостное чувство. И мне как автору совсем не просто убедить себя полюбить читателя, вполне равнодушного к тому, что я хочу поделиться с ним чем-то важным, сокровенным, дорогим для себя* [Кончаловский, 1998, с. 379 – 380].

Неравнодушие мемуариста проявляется в его интересе к окружающему миру, людям, стремлении принимать участие в тех или иных событиях и действиях, происходящих или уже давно произошедших [Болотова, 2014, с. 399]. По текстам мемуаров А. Кончаловского мы чувствуем, что в его жизни существуют определённые высокие духовные ценности: любовь и внимание к людям, своей Родине, духовность, щедрость души, участие, патриотизм, энтузиазм, сочувствие и сострадание, которые выражаются языковыми средствами отрицания, с прагматическими целями, используемыми автором.

Ниже приведённые предложения иллюстрируют эти качества, выражая неравнодушие и заинтересованность при помощи парцелляции, отрицания с усилением его местоименными формами (местоимённые наречия «никогда», «никуда», отрицательное местоимение родительного

го падежа «ничего» от местоимения «ничто»): *Я никогда не знал, кого из моих друзей и кого из моих женщин она (Б. Е. – Маргарита Синдерович) не любила. Она была женщина, которую не долюбили, не доцеловали. Ей ничего не было нужно, она никуда не спешила, не старалась побольше увидеть. Никогда ни про кого не болтала* [Кончаловский, 1999, с. 115 – 116].

Писателей, которые могут говорить выразительно и правдиво, сравнительно мало, но среди них Андрей Кончаловский, который выражает это усилением отрицания и повтором. Сущность повтора состоит в его особом усиленном воздействии логического и эмоционального характера на читателя [Сарина, 1999, с. 145]: *Никогда мне не было так страшно приниматься за работу, как в театре. Никогда я не чувствовал себя таким свободным, как в театре* [Кончаловский, 1999, с. 254].

Мемуары А. Кончаловского утверждают обычную истину о том, что именно простое неравнодушие человека помогает ему быть человеком. По канве мемуарных текстов проходит нить авторской философии «мне не может быть всё равно». Страницы его мемуаров переполнены любовью к женщинам, родным, друзьям, Родине, искусству, к жизни, природе и к окружающему миру вообще. Автор как бы владеет даром и умением раскрасить серые будни людей в сказочные и радостные цвета. И это опять говорит о его неравнодушии: *Она (Б. Е. – Ю. Высоцкая) была уверена, что мы расстанемся и больше уже никогда не увидимся* [Кончаловский, 1999, с. 329].

Поэтому мемуары А. Кончаловского, с его неравнодушием, искренним желанием помогать людям, ставят их в ряд талантливых мемуарных произведений нашего времени, а эмоциональный красочный стиль авторского изложения делает его книги полезными и увлекательными, хотя затрагивают сложные жизненно важные темы.

Каждое из личных свидетельств очевидцев имеют огромную ценность для писателя, а затем и для читателя. Заметим, что, употребляя отрицание, автор, как правило, ориентируется на позитивные знания читателя, т.е. определённые когнитивные условия, знания о присутствии отрицаемого факта в типичной для этого ситуации [Труб, с. 44].

А. Кончаловский с любовью и большим пониманием, проникновенно доносит до читателей события давно минувших дней. Этим он выполняет основную, важную и специфическую функцию мемуаров, проявляя все качества своего внутреннего «Я».

Таким образом, с помощью анализа негативных конструкций удаётся во всей полноте, в частности с учетом прагматической направленности текста, полностью раскрыть все речевые особенности текстов мемуаров. Также раскрываются особенности личности прекрасного мемуариста: честность, эгоцентризм (обусловленный жанром произведения), стремление к назидательности, связанной с желанием автора помочь читателю избежать ряда возможных в его жизни ошибок, эмоциональность и неравнодушие к судьбам окружающих.

В рамках данной статьи необходимо отметить, что стиль мышления автора мемуаров, текстовая прагматика определяют оценочные и эмо-

тивные смыслы, становящиеся в мемуарном произведении доминирующими и эмоционально воздействующими на сознание читателей-интерпретаторов, изменяя их окружающий мир, а также их отношение к этому миру.

Несмотря на множество трудов и исследований, проведенных учеными лингвистами, проблема отрицания остается малоизученной. Если наиболее доступная формальная сторона отрицательных предложений уже подробно исследована и описана в многочисленных работах по синтаксису русского языка, то изучение стилистики отрицательных конструкций, коммуникативно-функциональных особенностей их прагматики в языкознании находится пока на начальном этапе.

Литература и источники

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов М., Советская энциклопедия, 1966.

Болотова Е.А. Языковые средства выражения отрицания и их стилистико-прагматические функции в мемуарах Андрея Кончаловского // Вестн. Иркутского гос. тех. ун-та. 2014. № 12 (95).

Болотова Е.А. Анализ отрицательных конструкций как средств субъективации повествовательного текста мемуаров Андрея Кончаловского «Низкие истины» и «Возвышающий обман» // Язык и коммуникации. Вып. 9. Ростов н/Д.: ИЦ ДГТУ, 2015.

Гаврилова Г.Ф. Грамматическое отрицание как средство выражения социальных и этических авторских оценок // ТехШБ: Избранное. Ставрополь, Изд-во СГУ, 2004.

Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову. М., 1958.

Кончаловский А. Низкие истины. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1998.

Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.

Сарина З.М. Прагматические основания использования повтора в речевых формах: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // Вопросы языкознания. 1994. № 1.

References

Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov M., Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 607 s.

Bolotova E.A. Yazykovye sredstva vyrazheniya otritsaniya i ikh stilistiko-pragmaticheskie funktsii v memuarakh Andrey a Konchalovskogo // Nauchnyi zhurnal «Vestnik» Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. № 12 (95). S. 396–402.

Bolotova E.A. Analiz otritsatel'nykh konstruksii kak sredstv sub»ektivatsii povestvovatel'nogo teksta memuarov Andrey a Konchalovskogo «Nizkie istiny»

i «Vozvyshayushchii obman» // Yazyk i kommunikatsii. Vyp. 9, Rostov n/D.: ITs DGTU, 2015, S. 3–16.

Gavrilova G.F. Grammaticheskoe otritsanie kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nykh i eticheskikh avtorskikh otsenok // TekhShB: Izbrannoe. Stavropol', Izd-vo SGU, 2004, S. 84-87.

Galkina-Fedoruk E.M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke // Sbornik statei po yazykoznaniiyu. Professoru Moskovskogo universiteta akademiku V. V. Vinogradovu. M., 1958, S. 103-124. 372 s.

Konchalovskii A. «Nizkie istiny» M.: Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 1998. 381 s.

Konchalovskii A. «Vozvyshayushchii obman» M.: Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 1999. 340 s.

Sarina Z.M. Pragmaticheskie osnovaniya ispol'zovaniya povtora v rechevykh formakh: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1999. 145 s.

Trub V.M. O kommunikativnykh aspektakh otritsaniya kak negativnoi otsenki istinnosti // Voprosy yazykoznaniiya. M.: Nauka, 1994. № 1. S. 44–62.

Bolotova E.A. (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Negative constructions in memoir texts by A.Konchalovsky as indices of speech characteristics and author's personality characteristics

The aim of the article is to examine the relevant problem of negation in linguistics, as well as the possible ways of use by the author the memoirs texts by A. Konchalovsky («Low truths» and «Exalts deception») the negative constructions, their pragmatic orientation. It becomes clear how and what certain fiction-figurative and expressive means, based on the use of linguistic resources at various levels, it is possible to characterize the individual memoirist using negative semantic proposals. We consider the specifics of the use of various methods of influence by the author of memoirs on the reader by the means of representation categories of negopositivism. It reveals that any information that is submitted by the author in the text of memoirs, refers to the identity of the author, memoirist, and entering into a dialogue with their readers, the author establishes contacts with them. In the course of this dialogue there is the exchange of information about people, about oneself, about different events and facts in the different periods of the life of the author and the country.

Key words: *author of the memoir, memoir text, grammatical language means, category of denying, negative construction.*

Bolotova Elena Anatolievna – post-graduate student of the Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Lecturer of documentation and language communication dpt. Don State Technical University. Phone: 8-906-428-00-85; e-mail: bolotovaelena2008@rambler.ru